

Марина Аромштам

Читать!

Минск
«Дискурс»
2018

УДК 37.018.1+[373.2.016:003-028.31]

ББК 74.902

А84

Аромштам, М.

А84 **Читать!** / Марина Аромштам. — Минск : Дискурс, 2018. — 160 с. : ил.

ISBN 978-985-90437-5-8.

Книга Марины Аромштам «Читать!» — это предложение поговорить о детском чтении. Какие книги и в каком возрасте необходимы детям? Зачем нужны книги на сложные темы: о страхе и смерти, о красивом и ужасном? Помогут ли книги ответить на большие вопросы: почему семьи такие разные? можно ли простить предательство? что такое любовь?.. Автор ведет разговор с мамами и папами, бабушками и дедушками, педагогами и детскими психологами о том, как сделать книгу для ребенка другом на всю жизнь.

УДК 37.018.1+[373.2.016:003-028.31]

ББК 74.902

Научно-популярное издание

Аромштам Марина

ЧИТАТЬ!

Художник *С. Шутов.*

Компьютерная верстка *К. Подольцева.*

Корректор *Т. Радецкая.*

Подписано в печать 26.03.18. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 10. Уч.-изд. л. 6,35. Тираж 3000. Заказ

12+

Частное унитарное предприятие «Издательство Дискурс».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/519 от 11.08.2017.

Ул. Гусовского, д. 10, помещение № 9 (комн. 404), 220073, г. Минск.

ISBN 978-985-90437-5-8

© Аромштам М., 2018

© Оформление. ЧУП «Издательство
Дискурс», 2018

Оглавление

Зачем нам нужно, чтобы ребенок читал	5
Часть первая. Книжный старт	11
«Я читаю вслух ребенку»	12
Начинаем читать малышу	15
Ватные палочки против курочки в сапожках	19
Как читать самым маленьким?	25
Картинки и истории	29
Куда ведет нас виммельбух?	31
Как обучает книга?	35
Об одной из любимых «малышовых» книг детства	48
Часть вторая. Ребенок учится читать	53
О методах и методиках	54
Буквы или слова?	56
Буквы или звуки?	61
Что сначала: читать или писать?	67
«Я читаю вместе с мамой»	72
Как объяснить ребенку, зачем учиться читать?	75
Письмо Деду Морозу (из учительского дневника)	78
Кажется, он научился читать. Что же дальше?	82
От чтения вслух к чтению глазами.	89
Не бросайте читать ребенку!	91

Часть третья. Книги, которых боятся взрослые ... 93

«Фу! Как можно писать о таком в детских книжках!»	94
Страшное в детских книгах	100
Нужно уметь бояться	100
Приручение страха	102
Роботы и монстры	104
Потребность в ужасном	105
В разном возрасте мы боимся по-разному	107
И все-таки страшные сказки нужны!	110
Нарисуй свой страх и разорви на кусочки!	113
Быть королем чудовищ?	117
Тема смерти в детских книгах	122
На сцену выкатывают гроб	122
Дневник горевания	126
Смеяться над смертью?	128
Любовь и смерть всегда вдвоем	133
Странная гармония, или Семья как она есть	135
«Безухий заяц», или Еще раз про любовь	139

Часть четвертая. Сложности понимания

Мой читает только про машинки	146
Что привез грузовик? Чем нагружен прицеп?	149
Как говорить о прочитанном?	151
Все ли в книге должно быть понятно?	155
Когда пьешь соленый сироп.....	157
От издательства	160

Зачем нам нужно, чтобы ребенок читал

Что такое чтение?

Вид общения, разговора. Открывая книгу, мы вступаем в разговор с автором. Правда, этот «разговор» имеет свою специфику: авторское высказывание — это отсроченное послание, своего рода «законсервированная речь». И читатель не может ответить автору тем же. Тем не менее он имеет дело со словами, с текстом. Эти слова вызывают (или не вызывают) в нем эмоции, мысли, к чему-то его побуждают (или не побуждают). В этом ключе, мне кажется, и надо размышлять о чтении.

Почему ребенок выбирает для себя такой вид общения или отказывается от него? Почему он предпочитает «разговаривать» с одними авторами и избегает других? Важно ему или не важно, чтобы его книжные предпочтения разделяли сверстники, родители, кто-то из окружающих взрослых? Всегда ли читать (общаться) лучше, чем не читать (не общаться)? Что с этой точки зрения означают слова «книга работает»?

Разные взрослые утверждают: «Мы хотим, чтобы дети читали. Я хочу, чтобы мой ребенок читал». И на первый взгляд кажется, что желание видеть детей читающими — объединяющее.

Но только на первый взгляд.

«Ничего не читает! — жалуется одна мама. — Я его и уговариваю, и заставляю. И игрушки от него прячу. И телевизор выключаю. А отец даже за ремень пару раз брался... Ничего не меняется! Вот и в школе дела — хуже некуда».

«Целый день сидит, уткнувшись в планшет. Хоть бы книжку взял почитать...» — рассказывает другая.

«Он читает какую-то дрянь! Это недопустимо! Мы в его возрасте читали совсем другое!» — возмущается третья.

В ответ на реплику первой мамы хочется воскликнуть: «Пусть не читает! Не надо! Только уберите подальше ремень!» Представления этой мамы о прекрасном содержат явный диссонанс: чтение вроде бы — культурное занятие, а к нему принуждают насильственными методами, из другой жизни.

Кроме того, эта мама явно подменяет одну проблему другой: ее волнует не чтение. Ее волнуют школьные проблемы ребенка. Хорошие дети обычно читают книги — и хорошо учатся. Видимо, существует какая-то связь (не без мистического оттенка) между чтением и успеваемостью. И маме кажется, что превратить ребенка в «хорошего» можно механически, путем некоторых простых и понятных действий: выпороть, потом усадить на стул (если он после порки сможет сидеть) и всучить ему в руки книгу. И пусть читает, зараза! Пусть набирается знаний! Пусть только попробует принести очередную двойку!

Чтение — действительно фундаментальный навык, лежащий в основе обучения. Без умения читать невозможно школьное обучение. Но не всякий «грамотный» ребенок читает книги. Самостоятельное чтение — это некая важная «побочная» деятельность ребенка, напрямую не связанная со школой и требующая специального возвращения.

Вторая мама тоже использует фразу «ничего не читает» как камуфляж другой проблемы. Что-то ее не устраивает в поведении ребенка. Возможно, с ее точки зрения ребенок не выглядит достаточно успешным. Этой маме тоже хочется, чтобы ребенок изменился — хотя бы внешне. Мама знает, что «чтение развивает» и что «надо читать». Но когда ребенок последний раз видел ее саму с книгой? Никто не спорит: она ужасно устает. И после работы единственное, на что ей хватает сил, — плюхнуться в кресло перед телевизором и ни о чем не думать. И папе (если он есть) тоже не до чтения. Папа расслабляется с помощью компьютерных игрушек. Почему же ребенок должен расслабляться как-то по-другому?

Он всего лишь берет пример со взрослых. Он тоже устает. Его тоже «достаюи школьные проблемы». Все ссылки на то, что в его возрасте родители якобы читали, не работают. У родителей «в его возрасте», возможно, не было других способов расслабляться. Да и почему он должен им верить? Будто бы они что-то там читали. К тому же, если чтение — исключительно «детское занятие», вряд ли можно испытывать к нему уважение.

На вопрос: «Читаете ли вы сами?» — какая-то мама ответила: «У меня нет времени. Выйду на пенсию — буду читать». Как тут удержаться от комментария: «Ну и оставьте такую же возможность ребенку. Вот он выйдет на пенсию — и тоже будет читать».

Если чтение не является частью уклада семьи, родительское желание видеть ребенка читающим чаще всего носит утопический характер. Конечно, бывает, что у нечитающей мамы вырастает читающий ребенок. А бывает и наоборот. Но это скорее исключение из правил.

Третья мама как будто бы должна радоваться: ее дочь читает. Однако маме этого мало. Маме хочется, чтобы девочка не просто читала, а читала определенные книги, «мамины». Но может ли мама поручиться за каждую книгу, прочитанную в детстве, что та соответствует ее собственным сегодняшним стандартам? Неужели в списке прочитанного в детстве не было того, что она сегодня расценила бы как «литературный мусор»? Или как вещь безвозвратно устаревшую? Мне кажется, поколение времен «советского застоя» читало очень много книг, сегодня канувших в лету и преданных абсолютному забвению. Мама скажет, что речь идет не об этом, а о том, что теперь причислено к разряду классики. Но ведь нельзя отрицать, что литературный вкус самих «причисляющих» выкристаллизовался, в частности, и на том, что сложно не назвать «дрянью». А вдруг они где-то ошиблись и через поколение список классических произведений будет переосмыслен?

Никто не спорит: книги играют роль межпоколенческих нитей. Через них транслируются некие ценности и язык, который мы хотим разделить со своими детьми. Но ведь дети принадлежат своему времени. И книги для них — средство общения не только с родителями, но и друг с другом. А у каждого поколения свои

знаковые книги. Прочитать ту или иную книгу часто важно, чтобы тебя опознавали как своего в подростковой среде.

Правильно ли, что взрослые узурпируют право выбора и оценки книги? Почему не сделать допущение, что мироощущение другого поколения выражается с помощью других книг? Тех, которые родители не читали?.. Просто потому, что этих книг еще не было?

Выясняется, что в слова «мы хотим, чтобы дети читали» каждый из нас вкладывает свой смысл.

Я хочу объяснить, почему для меня важно, чтобы ребенок читал.

В 2006 году на русский язык перевели сборник статей французских ученых «История чтения в западном мире». Описанные в нем исследования и открытия поражают воображение и перерачивают представления о мире.

Нам всем будто бы известно, что в течение миллионов лет люди жили без письменности — без книг и без чтения. Но даже когда письменность появилась, даже когда ее существование уже исчислялось веками, люди читали совсем не так, как сегодня. Сложно представить, что древние греки, например, не знали того способа чтения, который известен нам. Для них умение читать не являлось чем-то необходимым. Даже для философов. Чтения «глазами» для удовольствия в течение нескольких веков не существовало. Это были времена «устной культуры». Греки обучались наукам «с голоса». И многое со слуха заучивали наизусть. Древнегреческое письмо не знало пробелов между словами, знаков препинания, заглавных букв, деления на абзацы. Разделить текст на смысловые элементы можно было только с помощью голоса, с помощью «озвучивания». Этим умением — разбирать написанное и воспроизводить его вслух — владели некоторые специально обученные рабы. Они и читали своим господам вслух.

Римляне уже не гнушались читать тексты самостоятельно. Но тоже вслух и непременно в каком-нибудь публичном месте. В римской бане, к примеру. Собравшиеся делили друг с другом удовольствие от купания, от напитков и яств. И от чтения. Чтение вслух было формой совместного эстетического переживания.

Чтение «глазами», или «чтение про себя», возникает в эпоху христианизации Европы и развития монастырской культуры. Для монахов чтение Священного Писания приравнивалось к молитве. Это была форма индивидуального, интимного общения с Богом. Сначала монахи тихо «бубнили» текст: способ письма еще не позволял перейти к беззвучному чтению. Тем не менее такое чтение было уже «чтением для себя», которого прежние эпохи не знали. Со временем письмо (способ фиксации текста) подстроилось под нужды читающих «для себя»: появились пробелы между словами, абзацы и знаки препинания. И монахи стали читать беззвучно: возникло «чтение про себя», или беззвучное «чтение глазами».

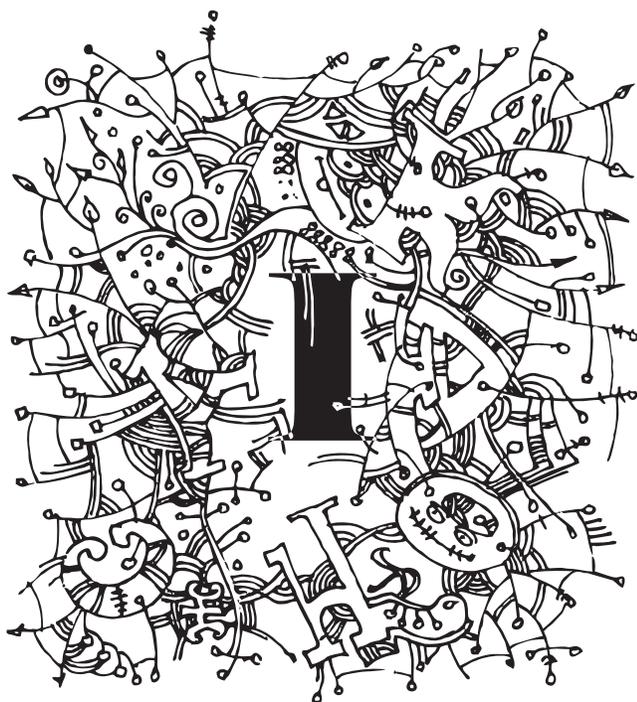
К началу эпохи Возрождения чтение вышло за пределы монастырских стен. Теперь оно стало индивидуальным занятием, способом личной беседы с великими людьми прошлого, формой индивидуального размышления и индивидуального интеллектуального наслаждения. Чтение стало не просто чтением «для себя», оно получило статус «личного дела», творящегося в индивидуальном пространстве. То есть чтение глазами изначально связано с формированием представлений об индивидуальности и ценности внутреннего мира индивидуума.

Детское чтение — относительно новое явление для культуры. Но смысл его состоит, мне кажется, ровно в том же, что и во времена эпохи Возрождения: создавать и структурировать внутренний мир ребенка, способствовать развитию его индивидуальности и человеческой сложности. И при этом чтение нельзя понимать иначе, чем личное дело ребенка. То есть это «материя» тонкая, не поддающаяся прямому и грубому манипулированию.

Такой взгляд на детское чтение, как мне кажется, и должен служить исходной точкой педагогической стратегии.

Часть первая

Книжный старт

«Я читаю вслух ребенку»

Книги, с которыми мы вступаем в общение, открывают нам сложное устройство мира и нас самих. Чем больше людей ценят человеческую сложность, тем меньше ужасных действий совершается вокруг нас.

Других причин, побуждающих меня бороться за детское чтение, я не вижу. Но эта причина кажется мне достаточно веской.

Однако это не значит, что следом за ответом на вопрос «зачем читать книги?» сам собой придет и ответ на вопрос «как побудить ребенка читать?».

Речь идет не о том, чтобы вырастить грамотного ребенка, способного прочитать письменный текст. Слово «грамотный» сегодня воспринимается как устаревшее. Это в начале двадцатого века оно могло служить характеристикой человека, выделять его из других людей, которые в большинстве своем были «грамоте не обученные».

И речь идет не о том, чтобы ребенок умел читать и был способен понимать написанное в учебниках. В эпоху всеобщей грамотности и всеобщего среднего школьного образования это даже не обсуждается.

Нет, мы хотим, чтобы он читал книги — и не только по школьной программе, а самые разные: художественные и научно-популярные, — чтобы он тратил на это свое свободное время и получал от чтения удовольствие.

То есть мы хотим, чтобы наш ребенок в качестве формы досуга как можно чаще выбирал такое элитарное занятие, как чтение.

Мне кажется, для начала нужно принять такую характеристику чтения — «элитарное занятие». Элитарное в силу того, что оно

связано с интеллектуальным напряжением (разной степени, конечно), и далеко не все взрослые, например, хотят тратить свое свободное время на занятие, связанное с такого рода напряжением. Дети в этом смысле мало чем отличаются от взрослых.

Если мы согласимся с тем, что свободное чтение — занятие элитарное, сразу станет понятно, насколько сложна задача, которую мы ставим перед собой. И понятно, что на вопрос: «Как побудить ребенка читать?» — не существует универсального ответа, не существует какого-то волшебного метода, позволяющего гарантированно вырастить читающего ребенка. Читающим человек становится в результате множества разных внутренних причин и внешних обстоятельств.

Но разве родители и другие близкие взрослые ребенка не являются одним из важнейших «обстоятельств» его жизни? Поэтому они, конечно, могут и должны делать что-то такое, что способствует превращению чтения в привычку, в такую форму общения, без которой уже нельзя обойтись. И для этого в первую очередь нужно читать маленькому ребенку вслух.

Чтение «глазами» (самостоятельное чтение) малышу еще недоступно. В силу разных причин: у ребенка еще не закончилось формирование мозговых структур (попросту говоря, не все нейроны еще «пустили» отростки и связались между собой в нужных комбинациях) и понятиями он еще не умеет мыслить. И внутренний мир ребенка только формируется, «обустраивается». А главный инструмент этого обустройства — речь — находится в процессе развития (примерно к пяти годам, считают психологи, в основном завершается развитие речи). Но с какого-то момента малыш уже способен воспринимать «звучащее чтение» и не прочь «предаться этому занятию».

Прямо как древний грек?

Всегда возникает соблазн провести параллель между развитием человечества и развитием человека. Мол, ребеночек в своем развитии, оказывается, проходит в свернутом виде все стадии культуры! Но ребенок — не совсем «древний грек» хотя бы потому, что он развивается в другой социальной ситуации, в действительности с другими характеристиками.

Древние греки, слушая, как им читают вслух, полагали, что с ними говорит великий, оставивший им сообщение. Этот великий на время общения с потомками, со слушателями берет себе голос раба-чтеца. (Тело раба, как известно, принадлежит хозяину, а значит — и его голос.) Но ребенок, которому родитель читает вслух, слышит не великого автора, взывающего к нему из мира духов: он слышит именно родителя. И общается не с автором, а с родителем. Родитель на время чтения как бы сливается с автором, замещает его.

Социальный опыт ребенка еще очень мал. С доверием он относится только к той информации, которая приходит к нему через близких, хорошо знакомых людей. Скажу больше: только такую информацию он до определенного возраста и воспринимает. Автор книги обращается к некоему обобщенному маленькому читателю. А родитель, читая вслух, обращается исключительно к своему ребенку — единственному и неповторимому — и сообщает речи автора характер «эксклюзивной беседы».

Ведь как развивается речь ребенка? Она возникает через полтора-два года после его появления на свет: внутри общения близких взрослых и малыша как новый и важнейший инструмент этого общения. К своим близким ребенок привязан, с ними связано его чувство защищенности и то, что называют базовым доверием к миру. Близкие являются для него и «учителями речи».

Может быть, это покажется удивительным, но звучание песенок или стихов в аудиозаписи или многочасовое «говорение» телевизора практически никак не сказывается на речевом развитии малыша раннего возраста, если это «говорение» является практически единственным источником звучащей речи. Как же так? Ведь ребенок вроде бы слышит слова? Оказывается, если он что-то и слышит, то шум. Для малыша это не речь, если она не исходит от близкого человека и не обращена непосредственно к нему. (Поэтому, например, попытки с помощью технических «говорителей» компенсировать дефицит речевого общения у малышей в «домах малютки» не привели ни к каким результатам: дети, воспитывающиеся там, обречены на задержку психического развития.) Как пишет доктор психологических наук Елена

Смирнова, малыши ясельной группы не реагируют даже на обращение «дети». Чтобы они услышали воспитательницу, каждого надо назвать по имени.

Конечно, ребенок чуть постарше в какой-то момент начнет с удовольствием слушать и детские радиопередачи, и аудиокниги. Но заменить полностью живое, личностно обращенное чтение аудиокниги не могут.

Когда близкий взрослый читает вслух своему малышу, он оказывается в новой ситуации общения с родителем.

Взрослый читает, ребенок смотрит на картинку. Пока глаз исследует картинку, ухо воспринимает речь. Ребенок должен координировать работу уха и глаза, соотносить информацию, переводить свои впечатления с одного «языка» на другой — это серьезное упражнение, стимулирующее развитие мозговых процессов.

То есть это еще и полезно с интеллектуальной точки зрения. Но польза, связанная с «познавательной активностью», — следствие. В основе — общение со взрослым. Оно самоценно. (Это, между прочим, одна из причин, по которой не стоит слишком торопиться с обучением самостоятельному чтению.) Но строится-то это общение вокруг книги! И такая «смычка», безусловно, запечатлевается как нечто важное и желаемое.

Начинаем читать малышу

Чтение вслух, когда открывается его смысл, оказывается захватывающей идеей и поэтому неизбежно обрастает мифами и разного рода «практиками». Значит, все-таки существует золотой ключик, открывающий дверцу в мир настоящих читателей? Так давайте начнем читать ребенку как можно раньше, с момента рождения, а еще лучше — до рождения. Некоторые теории убеждают будущих мам: если на последних месяцах беременности сидеть в уютном месте, читать «Винни Пуха» (это случайный пример; возможны самые разные варианты, включающие сложную классику или труды великих философов), поглаживать себя по животу (и, наверное,

что-то живописное себе представлять), ребенок после рождения непременно «опознает» эту книжку как знакомую.

Нет ничего плохого в том, чтобы будущая мама читала талантливые детские книжки вроде «Винни Пуха» или «Муми-тролля». Даже наоборот: это замечательно. Такие книги не только обладают всеми волшебными качествами искусства, но еще и настраивают будущую маму на ребенка, тонко и ненавязчиво рассказывая об особенностях его мировосприятия.

К тому же читающая мама — важный фактор, способный в будущем повлиять на становление читающего ребенка. Что же касается малыша, то «опознает» он читанный ему в утробе текст или встретится с ним «на новеньких», не очень существенно. Главное, чтобы встретился. А вот это как раз не гарантировано дородовой практикой чтения.

И вообще-то рекомендация «начинайте читать ребенку с рождения» лишена всякого практического смысла. Никто не понимает, что именно это значит: убаюкивать младенца с помощью строк из «Евгения Онегина»? Катая коляску, декламировать сонеты Шекспира?.. Есть люди, которые утверждают, что в младенчестве засыпали исключительно благодаря высокой классике. Но вряд ли тут дело в магии классического стиха. Боюсь, того же результата родители, занятые иногда довольно изматывающим качиванием младенца, могли достигнуть с помощью незатейливой ритмичной рифмовки вроде «баю-бай, баю-бай, поскорее засыпай». Но зачем же сводить великие произведения исключительно к ритму?

Или, к примеру, какие-то детские книжки маркируют значком «0+». Вообще-то это не указание на возраст потенциального читателя, а сигнал «безопасности», отметка, соответствующая требованиям Закона о защите детей от вредной информации. «0+» означает, что книга не нанесет никакого вреда читателю, даже если он новорожденный. Но каким-то издателям это позволяет настаивать на том, что их продукция самым благотворным образом скажется на развитии ребенка, и если махать этой книгой над манежем или по нескольку минут в день держать ее раскрытой над головой младенца, то это сильно продвигает его на пути к гениальности.

Я не люблю такого рода утверждения: безобидными они кажутся только на первый взгляд. А на самом деле мистифицируют ситуацию с детским чтением, потакают и провоцируют родительскую торопливость и тщеславие. Мне кажется, желание вырастить из новорожденного гения может обернуться самыми неприятными последствиями и для ребенка, и для детско-родительских отношений.

А вообще-то книжка с отметкой «0+» действительно не нанесет младенцу никакого вреда (если ее нечаянно на ребенка не уронят). Но и книжка с маркировкой «18+» окажется столь же бездейственной по очень простой причине: новорожденный просто не способен ее увидеть: он еще не научился фокусировать взгляд. И в возрасте одного месяца он окажется нечувствителен как к содержанию книги (и тексту Пушкина, и к тексту Маркиза де Сада), так и к картинкам. И даже в возрасте трех месяцев. Взгляд он уже будет фокусировать (если у него нормально развивается зрение) и, наверное, может увидеть книгу как некую «форму». Или крупно нарисованное лицо «с глазами». Но — не более того. Погремушки, к которым младенец примерно в это время начинает тянуться ручками, окажутся для него более полезными, чем книга: тут ребенок может исследовать форму предмета. А лицо объемной куклы гораздо удобнее рассматривать, чем лицо на картинке.

Чтобы видеть картинку, ребенку нужны не только здоровые глаза. Его мозговые структуры должны достигнуть определенной стадии зрелости — той, которая позволяет воспринимать знаки и символы. Когда это происходит, можно сказать с большей или меньшей точностью и не прибегая к эзотерике.

Что такое книжка? В первую очередь это предмет. В отличие от камня или палки, это предмет рукотворный, созданный для определенных, специфически человеческих надобностей. Как кастрюля создана, чтобы в ней варить, расческа — чтобы причесываться, стул — чтобы на нем сидеть, ложка — чтобы есть. Соответственно, существуют специальные правила употребления этого предмета.

Предмет «книга» адресован нашему воображению. Кроме действия по переворачиванию страниц он требует от нас еще и других, невидимых, внутренних действий.

Окружающие предметы начинают интересовать малыша довольно рано — когда он начинает тянуться к ним ручками. Но в течение некоторого времени (того, которое называется ранним детством) главная цель такого интереса — произвести над предметом какое-то действие: сунуть в рот, выкинуть из манежа, заставить издать какой-то звук. Восьмимесячного, годовалого и полуторагодовалого ребенка заботит не столько специфическое назначение предметов, сколько их свойства, проявляющиеся в ответ на действие.

Если поставить перед ребенком кастрюлю с крышкой, он будет с удовольствием ее снимать и с шумом водворять на место. Но это манипулирование с крышкой еще не означает, что ребенок постигает истинное предназначение кастрюли. В данный момент он постигает принцип «входит-выходит». Как ослик Иа-Иа, получивший в подарок пустой горшок из-под меда. Если перед ребенком такого же возраста положить книжку — большую, красивую, с крепкими картонными страницами, — он, скорее всего, обнаружит: страницы можно переворачивать. Это занятие — переворачивать страницы — и станет главным. Но оно пока имеет мало отношения к восприятию прекрасного, как бы мы ни убеждали себя, что все дело именно в магии искусства. Дело в толстом картоне и в объеме предмета. Переворачивание страниц для ребенка определенного возраста мало отличается от манипуляций с крышкой от кастрюли. Ничего плохого в этом нет. Это по-своему полезно — при условии, что книжка не рвется. Или если не происходит так, как у одной мамы: по совету прогрессивной подруги купила восьмимесячному сыночку дорогую модную книжку, а он ее сгрыз. Так это его право: исследует окружающий мир доступными ему способами.

Для начала малыш должен открыть для себя, что у предметов, которые попадают ему на глаза (и в ручки), есть определенное назначение. Расческа вообще-то предназначена не для того, чтобы возить ею по недавно прорезавшимся зубам, а чтобы причесываться. И когда малыш отбирает ее у вас и скребет по собственной лысинке (или по вашей голове), или когда тянет ложку ко рту, или нахлобучивает на голову разного рода шапки и шляпы — это

верный признак того, что он и книжку скоро сможет воспринимать как «предмет особого назначения». Наверное, в это время можно попытаться ввести ее в обиход: листать с ребенком странички, открывать клапаны, «окошки». Возможно, взгляд ребенка уже будет цепляться за какие-то изображения. Но это еще не чтение в прямом смысле слова. И не нужно ставить перед собой задачу непременно прочесть то, что написано на странице. Самое главное на этом этапе — выделять книгу из ряда предметов: это не кастрюля и не кубики. С книгой мы делаем то-то и то-то. Вместе.

Но вот ребенок начинает пользоваться словами. И это начало нового этапа в его жизни. Что значит слово «кошка»? Это заместитель реальной кошки. Кроме живой, настоящей кошки, оказывается, есть кошка, существующая в речи в виде набора звуков, как знак. И картинка, на которой нарисована кошка, — тоже замещает собой кошку и тоже является ее знаком. Ребенок уже умеет называть кошку словом (пусть «самодеятельным», «звукоподражательным»)? Значит, существует вероятность, что он и на картинке ее «опознает».

Так что самое время показать малышу нарисованную кошку.

И не только кошку...

А что еще?

Ватные палочки против курочки в сапожках

«**Большая книга картинок и слов**» **Оле Кёнекке** поначалу вызвала у меня абсолютное недоумение: на огромных картонных страницах разбросаны маленькие изображения предметов. Что это? И для чего?

Да и выбор предметов показался мне более чем странным. Ладно, еще предметы одежды и папины рабочие инструменты. Но среди прочего там фигурируют ватная палочка, баночка с кремом и туалетная бумага. Предполагается, видимо, что все это многообразие

